

Исцеляющая сила Востока

По убеждению М. Элиаде, одно из важнейших различий между человеком архаической культуры и современным – в неспособности последнего проживать свою органическую жизнь как таинство.

М. Элиаде родился в верующей православной семье, он, как и положено, ходил в церковь, присутствовал на литургиях, участвовал в выполнении всех необходимых таинств, но при этом чувствовал, что ему чего-то недостает, чувствовал, что нельзя понять смысл жизни человека и особое его положение во Вселенной, если не обратиться к «архаическим фазам» религиозного опыта. В частности, он замечает: «При этом у меня было ощущение, что я не смогу обнаружить упомянутые фазы, исходя только из моей собственной религиозной традиции, то есть исходя из нынешней реальности православной церкви, которая, как и все остальные, была обусловлена длительной историей и институтами, чьего назначения и сменяющихся друг друга форм я не знал... Вот почему я хотел уйти вглубь. Ветхий Завет – Для начала, потом – Месопотамия, Египет, средиземноморский мир, Индия... Мне нужен был набор техник, дисциплина, что-то, чего я не находил в моей религиозной традиции».

Именно в Индии знаменитый философ нашел то, чего не мог найти нигде в современном ему мире, в стране, где высокая степень культурной синтетичности и интегративности объединяется с характером органичного вписывания этого разнообразия и его элементов, определённых культурных феноменов, в единую систему.

Поиск ощущения полноты человеческого бытия особенно актуален для современного времени. Люди в западном мире, зачастую имея в избытке все условия для благополучного материального существования, испытывают духовное голодание, они более не способны обрести то «живое чувство целого», о котором писал Г. Померанц [*Померанц Г.С.* Страстная односторонность и бесстрастие духа. СПб., 1998]. Именно ритуал может помочь человеку в разрешении этой проблемы, раскрывая человеку свои сакральные смыслы, но ритуал во всей его первозданной глубине мы можем найти только на Востоке.

Поход на Восток – это общее движение западной культуры XX века. Индия, Тибет, Китай привлекают прежде всего, вероятно, практической направленностью своих учений, той, что позволила А. Уотсу увидеть в буддизме, даосизме, веданте и йоге «нечто более напоминающее психотерапию», чем философию или религию, в том смысле, в каком их понимают на Западе [*Уотс А.* Психотерапия. Восток и Запад. Львов, 1997].

Восточные учения не стоит рассматривать как чуждые христианской религии, но как средства, способные помочь проникнуть в истинный смысл и содержание христианства, то есть опять же скорее психологически, чем теологически или философски.

Именно в смысле понимания символики вообще не может быть речи о конкретных религиозных контекстах. Ведь почти во всякой известной нам религии (в эзотерических ее вариантах) обязательно постулируются такие психические состояния, которые полностью снимают проблему религиозных спецификаций.

Нисколько не сомневаясь в том, что христианские символы могут быть осознаны как «живое достояние духовного опыта» во многих отдельных случаях, вряд ли можно согласиться с тем, что приобщение к ним является единственно верным способом духовного развития, как, по всей видимости, полагали русские религиозные философы В.С. Соловьев, П.А. Флоренский, А.Ф. Лосев и другие. Нужно быть готовым использовать самые различные подходы, которые должны рассматриваться не как несовместимые, но как взаимодополнительные. Необходимо учитывать все основные способы мышления, известные человечеству, тогда интуиции нового легче будет выбирать, на какую из старых опор она может опереться.

Чтобы адекватно оценить незаменимую важность ритуалов, необходим личный опыт взгляда на ритуал «изнутри». Причем такого рода опыт не предполагает каких-либо сложных

экспериментов, особых полевых исследований. Мы являемся участниками множества различных ритуалов, и для создания теории требуется лишь более глубокое проникновение в смысл уже известного. Но для того чтобы осознавать любое действие в культуре как ритуал, сначала должна быть фактически пережита ритуальность хотя бы какого-то одного действия или набора действий, т.к. в индивидуально-психологическом плане, условно говоря, общекультурной ритуальности будет всегда предшествовать определенный опыт ритуальности традиционной. Пережить такую ритуальность легче всего на Востоке.

По словам М. Элиаде, «именно в сакральном опыте, во встрече со сверхчеловеческой реальностью у человека возникает мысль о существовании некой реальности, неких абсолютных ценностей, способных направлять человека и придавать смысл его существованию. Только благодаря сакральному опыту появляются на свет понятия реальности, правды, значимости, которые будут позже переработаны и систематизированы метафизической мыслью» [Элиаде М. Аспекты мифа. М., 2001].

Становится данностью опыта и рефлексии разрыв современной западной культуры с символически запечатленной традицией, с символически обозначенной вечностью. Именно это обстоятельство, по мнению ученого, создает ту беспрецедентно трудную ситуацию духовной неопределенности, которую мы наблюдаем в современном культурном пространстве.

Непосредственная практика является, в сущности, лишь временным средством, необходимым лишь на определенном этапе. Для пояснения этого положения в дзэн-буддизме можно встретить следующую метафору, наглядно иллюстрирующая место и роль, которые отводятся в дзэн-буддизме ритуально-мифологическому сознанию. В интерпретации Д.Т. Судзуки она выглядит следующим образом: «...для того, кто еще не начал изучать дзэн, гора есть гора. Когда он начитает познавать кое-что в дзэне, гора перестает быть горою; но, когда он в совершенстве осваивает дзэн, гора снова становится горою» [Судзуки Д.Т. Основы дзэн-буддизма // Буддизм. Четыре благородных истины. М., 1998]. Локус символического мышления – это переходный период, «когда гора перестает быть горою». Момент, когда «гора снова становится горою», знаменует «выход» из сферы влияния мифологических представлений. Но, чтобы «выйти из мифа», надо в него сначала «войти».

Чтобы «войти» в миф, достаточно всего лишь обратиться внутрь себя, как подсказывает нам древнеиндийская религиозно-философская поэма Бхагавад-Гита: «То, что происходит во внутренней реальности, - сон для тех, кто пребывает во внешнем мире. То, что происходит во внешнем мире, - сон для тех, чье сознание обращено внутрь. Кто пребывает во внутреннем мире, тот черпает радость внутри. Кто пребывает во внешнем мире, тот мечется между телесными удовольствиями и лишает себя подлинной радости» [Бхагавад-гита. Навадвип, Индия, 2004]. Если современный человек обратит свое сознание внутрь, средствами христианской религии или обратившись к помощи Востока и восточных практик (нам все же представляется, что философия, метафизика, мифология и ритуалы Востока намного красивее, глубже, детальнее и стройнее, чем в христианстве), быть может тогда он найдет то, что ищет и не может найти в пышном буйстве красок современного мира.